

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКОЙ ДОЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЗАРЕЦКОГО И И. МЕЛЕЖА В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Гвоздѣва С.Д.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова: женская доля, традиционное общество, гендерные роли, самоидентификация, патриархальный уклад, белорусская литература, Зарецкий, Мележ, современная женщина.

Концепция «женской доли» как социально детерминированной судьбы является ключевой для понимания женских образов в белорусской литературе XX века. Сравнительный анализ образа Марины Гарновой из повести М. Зарецкого «Кветка пажоўкляя» (1927) – символа жертвенности патриархальному укладу – и Ганны из романа И. Мележа «Люди на болоте» (1961), чей образ знаменует лучшие черты национального представления о роли женщины, позволяет выявить эволюцию женского образа в белорусской литературе, а также сопоставить два авторских подхода к теме *женской доли*.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью историко-культурной рефлексии, которая в сопоставлении с положением современной женщины XXI века демонстрирует смену парадигмы: от трагической предопределенности «доли» к сложной системе выбора, самоопределения и личной ответственности, формирующих новый, современный взгляд на роль женщины в обществе.

Цель исследования – провести сравнительный анализ женских образов Марины («Кветка пажоўкляя» М. Зарецкого) и Ганны («Люди на болоте» И. Мележа) с точки зрения концепции *женской доли* в условиях традиционного общества и сопоставить их с потенциалом самореализации женщины в XXI веке.

Материал и методы. Материалом исследования послужили повесть М. Зарецкого «Кветка пажоўкляя» (1927) и роман Ивана Мележа «Люди на болоте» (1961). В работе применялись сравнительно-сопоставительный метод для анализа образов героинь, историко-культурный и социологический подходы для интерпретации их положения в контексте эпохи, а также элементы гендерного анализа для сопоставления женского образа начала XX века с современным.

Результаты и их обсуждение. Образы Марины и Ганны объединены темой тяжелой, предопределенной женской доли в условиях белорусской деревни первой половины XX века. Однако степень их подчинения обстоятельствам и внутренний протест различны, что позволяет говорить об эволюции авторского понимания этой проблемы.

В повести М. Зарецкого «Кветка пажоўкляя» концепт «женской доли» подвергается радикальной ревизии, трансцендируя социально-бытовые рамки и обретая масштаб экзистенциальной катастрофы. Судьба Марины Гарновой репрезентирует не частную драму, а модель распада

рефлексирующей субъективности в эпоху исторического разлома. Ее трагедия коренится в акте тотального самоотречения (разрыв со своим социальным классом, работа в ЧК, санкционирование казни брата), который, вместо обретения новой идентичности, порождает непереносимую вину и онтологическую пропасть между прошлым и настоящим. Ключевым становится переживание себя как «лишнего» в новом обществе – внутренней несовместимости с логикой послереволюционного бытия, что делает невозможной ни профессиональную адаптацию, ни принятие любви как спасительной иллюзии. Финал героини – суицид под колесами поезда – представлен не как эмоциональный срыв, а как логически выверенный акт экзистенциального самоопределения, итоговая констатация утраты так и не обретенного «месца ў жыцці». Таким образом, «доля» Гарновой нами понимается как парадигма личностного кризиса, где субъект, деконструированный историческим переломом и утративший все формы символической принадлежности, утверждает последний остаток субъектности через деструктивный жест ухода.

Женская доля Ганны Чернушки представляет собой судьбу, сломленную и задавленную жестокими законами патриархального общества, беспросветной нищеты и неумолимых социальных предрассудков. Ее личное счастье и право на любовь последовательно приносятся в жертву внешним силам, демонстрируя, как социальная необходимость и коллективная мораль оказываются сильнее индивидуальной воли и чувства. Ее трагедия разворачивается как череда фатальных утрат и вынужденных решений.

Основу драмы Ганны (роман И. Мележа «Люди на болоте») составляет утрата любви из-за хрупкости доверия. После того как сын кулака Евхим Глушак предпринимает попытку изнасилования, по деревне расползается порочащий девушку слух. Ключевым ударом становится не само злодеяние Евхима, а то, что ее возлюбленный Василь поверил этим сплетням и отвернулся от нее. Эта измена со стороны самого близкого человека лишает Ганну последней опоры и делает ее беззащитной перед давлением обстоятельств. Вслед за этим наступает следующий этап ее трагедии – вынужденный брак как единственный способ сохранить честь и решить материальные проблемы семьи. Оказавшись в положении «опозоренной» девушки и под сильнейшим нажимом мачехи, Ганна вынуждена согласиться стать женой немилого ей Евхима. Этот брак является отнюдь не союзом по любви, а чисто экономической сделкой и социальным компромиссом: ее бедные родители, обремененные долгами, видят в этом альянсе с самой богатой семьей в Куренях единственную возможность поправить свое положение и гордятся таким «удачным» замужеством дочери. Осознание непоправимости этого шага и тоска по утраченному счастью настигают Ганну сразу после помолвки, когда она, видя Василя, с горечью думает: «*Кончилось. Не суждено, значит... Прощай!..*» [2, с. 83].

Таким образом, доля Ганны – это классическая для традиционного патриархального уклада судьба-предопределение, где женщина выступает не субъектом, а объектом социального обмена. Ее жизнью и чувствами распоряжаются другие члены семьи, суровые нравы деревни, циничный расчет и

слабость любимого человека. В этом заключается принципиальное отличие ее трагедии от судьбы Марины Гарновой («Кветка пажоўкляя»). Если Мария становится жертвой внутреннего, экзистенциального разлада с эпохой, то Ганна – жертва внешних, социальных механизмов, которые безжалостно ломают ее волю и лишают выбора, превращая в заложницу обстоятельств и чужих решений. Ее история – это наглядная иллюстрация того, как один шаг, сделанный под давлением среды, может навсегда изменить человеческую судьбу. Зарецкий делает акцент на трагедии индивида («*Цікавасць да псіхалогіі чалавека на переломе гістарычных эпох*») [3, с. 43], Мележ – на трагедии поколения, борющегося с «болотом» старой жизни, где женщина несет одну из самых тяжелых нош.

Современная женщина XXI века в контексте данного сравнения предстает как антипод как Марины, так и в значительной степени Ганны. Если основными детерминантами «доли» героинь первой половины XX века были внешние социально-экономические и патриархальные факторы, то для женщины XXI века центральным становится понятие выбора и самоопределения. Современница обладает правовой и экономической автономией (право на образование, профессию, владение имуществом, распоряжение своими доходами); контролем над приватной сферой (свободный выбор партнера); возможностью публичной самореализации в любой сфере деятельности; доступом к дискурсу, позволяющему критически осмысливать гендерные роли.

Ее «доля» утрачивает черты фатальности, становясь индивидуальным жизненным проектом, который, однако, сопровождается новыми вызовами: давлением двойной занятости (карьера и семья), новыми формами социального давления, связанными с культом успешности. Таким образом, трагический детерминизм «доли» сменился парадоксальным напряжением между почти безграничными возможностями, которые предоставляет современное общество, и высокой личной ответственностью за их реализацию.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о кардинальной трансформации концепции *женской доли* на протяжении столетия. От образа Марины – символа почти природно-мифологической жертвенности и сломленности, через образ Ганны – воплощения тяжелого труда и первого, еще неосознанного, но яркого внутреннего бунта против уготованной судьбы, литература пришла к реальной женщине XXI века, конструирующей свою жизнь в поле расширенных возможностей.

Образы Марины и Ганны остаются важнейшими историко-культурными свидетельствами цены, которую платила женщина в эпоху социальных трансформаций. Их трагический опыт служит напоминанием о важности завоеванных прав и свобод. Современный этап характеризуется переходом от борьбы с внешним детерминизмом «доли» к сложной задаче внутреннего самоопределения и поиска баланса в условиях множественности социальных ролей. Кроме этого, белорусская женщина начала XXI века продолжает быть хранительницей вечных ценностей, она воспитывает детей, сохраняет домашний очаг и служит опорой супругу. Изучение эволюции

роли женщины сквозь призму национальной литературы остается актуальной задачей для понимания как прошлого, так и сложных процессов современности.

1. Зарэцкі, М. Кветка пажоўкляя; У Саўках : апавяданні, аповесць / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 478 с.

2. Мележ, І.П. Людзі на балоце : раман з “Палескай хронікі” / І.П. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 446 с.

3. Падстаўленка, В. Ф. Беларуская літаратура першай паловы XX ст. : вучэбна-метадычны комплекс / В. Ф. Падстаўленка. – Віцебск : УА “ВДУ імя П. М. Машэрава”, 2010. – 119 с.

ТЕМА ТРУДА В РАССКАЗЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА «МАСТЕР»

Кабаева К.Д.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Гладкова А.А., канд. филол. наук, доцент*

Ключевые слова: труд, мастер, конфликт, красота, гармония, сакральность, столкновение.

Творчество В.М. Шукшина (1929–1974) занимает особое место в русской литературе второй половины XX века, выступая своеобразным мостом между традициями классического реализма с его вниманием к «маленькому человеку» и духовным поискам, и современными экзистенциальными вопросами об идентичности, смысле существования и месте личности в социуме. Его герои – чаще всего люди из провинции, «чудики», правдоискатели, мятущиеся натуры – оказываются в точке напряженного пересечения уходящего патриархального мира с его устойчивыми, хотя и суровыми, духовно-нравственными координатами, и мира нового, урбанизированного, технического, несущего размывания идентичности, утраты корней. Шукшин ищет и находит те немногие, но незыблемые основы, на которых еще может устояться личность. Одной из таких первооснов, ключевой категорией его художественной вселенной, является труд. Он у писателя – это не экономическое понятие и не просто род занятий. Это способ бытия в мире, форма диалога личности с действительностью, акт самоопределения и самовыражения, а в своих высших проявлениях – род духовного подвига.

Рассказ «Мастер» является одной из ключевых работ в этом контексте, представляя собой глубокое философское исследование феномена подлинного мастерства и его конфликта с обезличенным мироустройством. Изучение темы труда в данном рассказе позволяет раскрыть этико-эстетическую составляющую творчества Василия Шукшина [1]. Конфликт, изображенный Шукшиным, выходит за пределы конкретной исторической эпохи, приобретая универсальное звучание. Он происходит между творческой личностью и бюрократической системой, между уникальным и типовым, между духовной потребностью и прагматическим расчетом.